

©1994 г.

Т.И. ОЙЗЕРМАН

К. МАРКС: ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАСИЛИЯ

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильин — академик РАН.

Проблема насилия в марксистском учении есть прежде всего и главным образом проблема революционного насилия. Революции рассматриваются К. Марксом и Ф. Энгельсом как закономерные этапы развития антагонистического общества в эпоху, когда прогресс производительных сил сковывается устаревшими общественными отношениями производства. Таково одно из кардинальных положений материалистического понимания истории, сформулированное еще в их ранних работах. В основе этого общего социологического, вывода лежит исторический опыт буржуазных, антифеодальных по своему содержанию, революций XVII—XIX вв.

Если переход от феодализма, в недрах которого возникает и развивается капиталистический экономический уклад, к буржуазному обществу, т.е. к господству капиталистической системы производства, был лишь ускорен в результате ряда антифеодальных революций, то переход к принципиально новому, исключаяющему антагонизм производственных отношений, посткапиталистическому общественному строю, вообще неосуществим без насильственных революционных действий. Так выглядел ход мысли Маркса и Энгельса, опиравшихся на анализ современной им и всей прошлой революционно-буржуазной практики. Это обстоятельство важно подчеркнуть: оно объясняет происхождение марксистской идеи насильственной революции.

Данная идея логически вытекает из тезиса о неизбежности конфликта между развивающимися производительными силами и отстающими от них производственными отношениями. Но теоретически вполне представимо и мирное разрешение противоречия благодаря настойчивым попыткам исподволь, постепенно трансформировать сложившиеся производственные отношения в самом лоне капитализма. Следовательно, постулат о необходимости насилия для становления новой формы социальной организации жизни, поскольку он обобщает конкретные исторические факты, мог быть подвергнут частичному или даже полному пересмотру при рождении дотоле неведомых, качественно отличных от предшествующих, объективных общественных реалий. С этих методологических позиций, думается, бесполезно проследить за намечавшимся изменением в воззрениях Маркса и Энгельса на насильственную революцию как средство социалистического переустройства капиталистического общества, а также воссоздать последующую прагматическую интерпретацию этой темы Лениным уже в нашем столетии.

Процесс формирования марксизма начался в преддверии буржуазно-демократических революций 1848 г. Его первый программный документ — «Манифест Коммунистической партии» — написан буквально накануне революционного взрыва во Франции и Германии. Революционная ситуация, о которой прямо говорится в этом

произведении, несомненно, наложила свою печать на понимание проблемы революции, которое в нем изложено.

В «Манифесте» Маркс и Энгельс, исходя из разработанной ими теории классов и применяя ее к рабочему движению, так раскрывают перспективы этого исторического процесса: «Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» [1, с. 435].

Иными словами, основоположники марксизма видят в антикапиталистической революции конечную стадию классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Причем в пролетариате усматривают класс, образующий большинство самостоятельного населения капиталистического общества, а установление политического господства пролетариата определяют как «завоевание демократии» [Там же, с. 446]. Это положение заслуживает особого внимания, ибо прямо указывает на то, что необходимость революционного насилия непосредственно связывается с совершенно недостаточным развитием демократических институтов в капиталистическом обществе.

Буржуазные революции XVII—XVIII вв. и даже первой половины XIX в. представляли собой лишь начало преобразований демократического характера, которые получили подлинный размах значительно позже. Маркс и Энгельс были убеждены в том, что эти преобразования, по существу, не могут быть завершены в русле капиталистического общества: они вступают в противоречие с классовыми интересами буржуазии, подрывают ее политическое верховенство, одним из условий которого, как им казалось, является всемерное ограничение гражданских прав пролетарской массы. А если учесть, что капиталистическая система уже тогда представлялась мыслителям в целом изжившей, исчерпавшей свою объективную историческую необходимость, то становится понятным, почему полное утверждение буржуазно-демократических принципов обуславливалось насильственным ниспровержением правящего класса.

Итак, Маркс и Энгельс заблуждались относительно ближайшего и более отдаленного будущего капиталистического способа производства. С этим основным заблуждением, характеризующим марксизм (а не его ранние фазы развития), связана и определенная недооценка организованного рабочего движения в качестве могущественной движущей силы в историческом процессе буржуазно-демократического обновления мира. Такая недооценка никоим образом не означала умаления роли пролетариата в борьбе за демократизацию существующих порядков. Но коль скоро дни буржуазного общества сочтены и его крах представляется делом не таким уж далеким, то, вследствие этого нет и значительных перспектив для пролетарской борьбы за демократию в рамках капиталистического строя.

К концу 50-х — 60-м годам Маркс и Энгельс отчасти пересмотрели собственные выводы, сделанные на основе теоретического осмысления революционного опыта 1848 г. Они, в частности, отказались от идеи непрерывной революции, признав, что пролетарскую революцию от буржуазной отделяет целая историческая эпоха. Преодоление иллюзии относительно непосредственной близости антикапиталистического переворота позволило более трезво оценить повседневную борьбу пролетариата за улучшение своих жизненных условий. Это, как свидетельствовала действительность, была не только экономическая, но и политическая борьба за широкую реализацию буржуазно-демократических преобразований. Всеобщее избирательное право, казавшееся невозможным при капиталистическом строе, превратилось в факт политико-социальной жизни Англии, США, Франции, Германии. Профсоюзное движение тут было легализовано, несмотря на противодействие предпринимателей-капиталистов. Забастовки также постепенно обретали правовую основу. В конце 60-х годов Германия стала родиной первой легальной социал-демократической партии рабочего класса.

Конечно же, эти исторические обстоятельства нельзя было игнорировать. И понятно громадное принципиальное значение известного высказывания Маркса в 1872 г. сразу после Гаагского, последнего конгресса Первого Интернационала. В речи на митинге в Амстердаме он говорит о разных путях и средствах, ведущих к установлению политического господства пролетариата, к социализму. Это общее замечание раскрывается посредством прямого указания на возможность мирного социалистического переустройства в тех капиталистических странах, где действительно осуществлены демократические преобразования, позволяющие трудящимся постепенно решать классовые задачи с помощью завоеванных правовых установлений. «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то, может быть, прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами» [2].

Исключение, сделанное Марксом для США и Англии, не случайно. В мировой экономике второй половины XIX в. этим могущественным индустриальным державам принадлежало особое место. Британская империя охватывала едва ли не большую часть населения Земли. США господствовали на всем американском континенте и, безусловно, представляли собой весьма серьезный экономический и политический фактор также на европейской арене. Вряд ли приходится сомневаться в том, что успешные мирные социалистические реформы здесь оказали бы воздействие на многие развитые капиталистические государства.

Заметим, Маркс, обсуждая в 50-е годы перспективы пролетарской революции в Европе, подчеркивал, что Англия «кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны... Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды» [3]. Вот почему признание ее реальных возможностей (не говоря уже о США) двигаться в направлении социализма без насильственной революции — свидетельство существенного сдвига в оценке грядущего хода всемирно-исторического процесса претворения многовековых чаяний людей труда.

К сожалению, эта мысль Маркса не подкреплена его последующими работами. Однако она опиралась на предшествующие экономические исследования. Имеется в виду Марксов анализ обобществления производственных средств в пределах капитализма. В третьем томе своего главного труда Маркс определяет акционерные компании как наиболее развитую, высшую форму концентрации и централизации капитала. Вместе с тем он вскрывает противоречивую природу этих капиталистических объединений, которые во многом изменяют характер частной собственности, поскольку та в качестве акций, доступных широкому кругу покупателей, представляет собой часть совокупного, обобществленного капитала. Именно это обстоятельство подводит к заключению, что акционерные компании упраздняют капитал как частную собственность [4, с. 481]. Еще в большей мере сие относится к кооперативным предприятиям, в которых, согласно Марксу, «уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя в начале в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе...». И далее Маркс отмечает, что кооперативные фабрики показывают, как «на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства... Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному...» [Там же, с. 483—484]. Ассоциированным способом производства Маркс, разумеется, именуется социализм.

Приведенные положения, которые правомерно назвать экономическим обоснованием возможности ненасильственного формирования социалистических начал, получают отражение и в работах Энгельса, написанных после смерти Маркса. В

замечаниях к проекту Эрфуртской программы германской социал-демократии он настаивает на необходимости проводить качественное разграничение между частным капиталистическим производством и его более развитыми формами, свидетельствующими о происходящих при капитализме глубоких экономических изменениях. «Мне известно, — пишет Энгельс, — капиталистическое производство как общественная форма, как экономическая фаза, и *частное* капиталистическое производство как *явление*, встречающееся в том или ином виде в рамках этой фазы. Но что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? — Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся *акционерными обществами*, это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц» [5, с. 234].

В том же проекте, ставшем предметом критики Энгельса, есть формулировка: «современное общество вырастает в социализм». Энгельс отвергает ее, поскольку она распространялась на все капиталистические страны и в первую очередь на Германию с господствовавшим в ней абсолютизмом, подавлявшим демократическое волеизъявление трудовых масс. Иным ему видится дело в государствах, обеспечивших адекватное выражение народного волеизъявления в представительных учреждениях. «Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно вырасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия...» [Там же, с. 236—237]. Стоит подчеркнуть, что Энгельс не отрицает возможности сосредоточения всей власти в органах народного представительства, даже когда буржуазия остается правящим классом в системе капитализма. На это противоречие буржуазной демократии, которая при всей своей исторической ограниченности все же является реальной, а не мнимой, неоднократно обращалось внимание основоположниками марксизма.

Дальнейшим углублением концептуальных размышлений о коренных преобразованиях капиталистического общества, вносящим принципиальную новизну в воззрения периода революций 1848 г. (и непосредственно после них) явилось введение Энгельса, написанное к переизданию работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.». В этом введении, значение которого постоянно замалчивалось в советской, посвященной истории марксизма, литературе, уже довольно решительно обосновывается возможность мирного социалистического реформирования общества.

Прежде Маркс и Энгельс полагали, что всеобщее избирательное право нельзя реализовать без ниспровержения политического господства буржуазии, теперь же, в конце XIX века, когда этот демократический институт завоеван, перед социал-демократией ставится задача предотвратить его превращение в орудие обмана широких масс, разоблачать избирательные махинации имущих классов, дабы сделать всеобщее избирательное право средством освобождения трудящихся.

Всеобщее избирательное право, считает Энгельс, может быть успешно использовано в интересах людей труда. В этом случае оно представляет собой «совершенно новый способ борьбы пролетариата», ибо при наличии этого права «государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самых учреждений». Разъясняя это положение, Энгельс пишет, что рабочие «стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, — чем успехов восстания» [Там же, с. 540].

Еще несколько десятилетий назад пролетарии, доведенные до отчаяния ужасающими условиями своего существования, нередко восставали против произвола капиталистов, а ныне, в изменившейся обстановке, борьба европейского пролетариата

против класса капиталистов обретает новые, легальные формы. Вооруженные выступления, бои на баррикадах уступают место забастовкам и другим формам массового организованного сопротивления капиталистической эксплуатации. Капиталисты вынуждены считаться с организованным рабочим движением, с профессиональными союзами, идти на компромисс с ними. Словом, «условия борьбы существенно изменились. Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела» [Там же]. Это не значит, подчеркивает Энгельс, что право народа на революцию, которая, как известно, не бывает без насилия, исчерпало себя. Напротив, оно прочно вошло в народное сознание как право законного ответа на насилие, применяемое господствующими, имущими классами. Поэтому не следует полностью исключать и возможность вооруженной борьбы. Но она не может быть столбовой дорогой массового социалистического движения.

Энгельс ссылается на достижения социал-демократической партии Германии, действующей в условиях запрещения «исключительным законом», принятым в 1881 г., ее легальных организаций. Поставленная вне закона, она, тем не менее, добилась того, что в феврале 1890 г. за ее кандидатов в парламент проголосовало более четверти всех избирателей, и это привело к падению правительства «железного канцлера» Бисмарка. Успех немецких социал-демократов на выборах был воспринят Энгельсом как «начало германской революции», как выдающийся этап в легальной борьбе трудящихся за свои цели. Всеобщее избирательное право, по его убеждению, способствует мирному завоеванию власти рабочим классом, однако победы социал-демократии на избирательном поприще могут создать такую ситуацию, при которой правящие классы применят против нее насилие, а это перенесет борьбу с парламентской арены на революционную.

Осмысливая опыт социалистического движения в Германии и в других буржуазно-демократических странах, Энгельс приходит к весьма важной констатации: «Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, "революционеры", "ниспровергатели", мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения... И если мы не будем настолько безрассудны, чтобы в угоду этим партиям дать себя втянуть в уличную борьбу, то им в конце концов останется лишь одно: самим нарушить эту роковую законность» [5, с. 546].

Рассуждения Энгельса носят, конечно, чрезмерно оптимистический характер. Всеобщее избирательное право, как свидетельствует политическая практика текущего столетия, используется имущими классами не менее (а зачастую и более) успешно, чем социал-демократией. Демократические институты автоматически не устраняют экономического господства капиталистов, проявляющегося во всех сферах общественной жизнедеятельности. Германия 20—30-х годов была демократически развитой страной; ни в одной другой капиталистической цитадели не было столь мощных партий трудящихся — социал-демократической и коммунистической. Но в атмосфере жестокого кризиса экономики 1929—1933 гг., который больше всего потряс именно ее, потерпевшую поражение в первой мировой войне, обе эти партии не смогли предотвратить установление фашистской диктатуры. Немецкий фашизм, вскормленный монополистическим капиталом, сумел привлечь под свои знамена немалую часть мелкой буржуазии и даже рабочего класса.

Наш век поставляет достаточно пищи для раздумий о демократии в капиталистическом обществе. Критика буржуазно-демократических иллюзий внутренне присуща трезвому аналитическому подходу к действительности. Вместе с тем ему чужды односторонние оценки. Ведь неоспорим тот факт, что социал-демократические партии нередко становятся правящими. И в качестве таковых, выражая чаяния масс, осуществляют социальные программы, охватывающие трудовые отношения, налогообложение, страхование, образование, медицину и т.д. Показательно также и

то, что консервативные партии, приходя затем к руководству обществом, не в состоянии, как правило, упразднить эти программы, ибо в таком случае рискуют лишиться шансов удержаться у власти.

Советские исследователи всегда подвергали суровой критике социал-демократию за то, что она, взяв власть в свои руки, отказывается от «экспроприации экспроприаторов», становясь сторонницей компромисса с классом капиталистов. Однако Маркс и Энгельс, признавая закономерность (при определенных исторических условиях) ненасильственных социалистических преобразований, тем самым допускали и необходимость взаимных уступок со стороны противоположных классов буржуазного общества. Борьба между ними, с марксистской точки зрения, отнюдь не исключает компромиссов. Маркс как-то говорил, что пролетариату, возможно, окажется наиболее выгодным не просто конфисковать капиталистическую собственность, а выкупить ее у буржуазии. Это ли не установка на классовый компромисс?

Таким образом, подытоживая исследование отношения основоположников марксизма к вопросу о насильственной революции, мы не вправе не замечать эволюции их воззрений. Если на ранних этапах формирования своего мировосприятия они считали насильственную революцию безусловной необходимостью¹, то в дальнейшем, анализируя исторические перспективы, возникающие в ходе завершения буржуазно-демократических реформ, постепенно приходят к признанию возможности иного пути к посткапиталистическому обществу, т.е. мирных социалистических преобразований. Речь, следовательно, идет о двух возможных путях социалистического переустройства общества, причем мирные социалистические преобразования оказываются тем более вероятными, чем значительнее демократические завоевания трудящихся.

В наши дни социал-демократические партии буржуазного мира небезуспешно используют концепцию мирной социалистической переделки общественных устоев капиталистического строя. Социализм для них не некое отдаленное туманное будущее, а совокупность социальных программ, частично уже осуществленных или находящихся в процессе осуществления. И, пожалуй, Маркс и Энгельс без обиняков могут быть названы родоначальниками современного «демократического социализма», вдохновителями его основной программной установки.

В.И. Ленин и созданная им большевистская партия никогда не считались с эволюцией взглядов Маркса и Энгельса на революционное насилие. В работе «Государство и революция», мимоходом касаясь известного, приведенного выше положения Маркса о реальности мирных социалистических преобразований в Англии и США, Ленин рассматривает таковое как ограничение общего закона, обуславливающего переход от капитализма к социализму, ограничение, которое неминуемо отпадает вследствие изменения исторических условий, в частности потому, что Англия и США «скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих» [7, с. 38]. По Ленину выходит, что в XIX в., к которому относится тезис Маркса, Англия и США были гораздо более демократическими государствами, чем они стали в XX столетии. Это сугубо ошибочное мнение, проистекающее из ленинского определения «эпохи империализма», истолковываемой как повсеместное подавление демократии и реакция по всем линиям, явно игнорирует растущую организованность рабочего движения, массовость социал-демократических партий в развитом капиталистическом обществе. Поэтому представлять себе «эпоху империализма» как отказ от демократических достижений предшествующего периода — значит абсолютизировать некоторые свойственные монополистическому капитализму черты и недооценивать неуклонную демократизацию буржуазного строя.

¹В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс заявляют «революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу

Такая недооценка не может не поражать, поскольку Ленин в других своих работах (и по иному поводу) неоднократно указывал на органическую связь демократических завоеваний при капитализме с освободительным движением рабочего класса.

Весьма показательны, что Ленин, упоминая сказанное Марксом относительно возможности мирных социалистических преобразований, ни слова не говорит об аналогичных размышлениях Энгельса. Вследствие этого у читателя неизбежно создается ложное впечатление, будто имеется лишь одно-единственное подобного рода высказывание Маркса, которое органически не соотносится со всей системой марксистских воззрений, а тем более с их развитием. Такой односторонний, сугубо полемический подход ведет к совершенно безапелляционному утверждению: «Мирного развития к социализму быть не может» [8].

Естественно, возникает вопрос: чем объясняется убеждение Ленина в том, что социалистические преобразования осуществимы лишь путем насильственной революции? Его отчасти, думается, можно объяснить ситуацией в России, где господствовал царизм, подавлявший любые попытки даже самых ограниченных демократических нововведений. Революция, которая назрела и разразилась тут, могла быть, естественно, лишь насильственным переворотом. Эта революция носила буржуазно-демократическую направленность. Следовательно, ее насильственная форма не давала фактического основания для категорического утверждения о принципиальной невозможности мирных путей социалистического преобразования. И если Ленин все же настаивает на неизбежности насильственных социалистических преобразований, то это, по-видимому, продиктовано тем, что такие преобразования представляются ему непосредственным продолжением буржуазно-демократической революции.

Маркс и Энгельс, как уже говорилось, отказались от идеи непрерывной революции, идеи, которая, по существу, несовместима с материалистическим признанием экономической обусловленности социалистического переустройства. Ленин, ссылаясь на новую историческую обстановку, возрождает эту идею, разрабатывает ее как теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Буржуазно-демократические революции неизбежно представляют собой насильственные перевороты; социалистическая революция — их непосредственное продолжение.

Однако отрицание возможности мирных социалистических преобразований связано у Ленина не только с определенной оценкой исторической ситуации, сложившейся в России; оно прямо вытекало из всей совокупности его теоретических установок. Ленин видел в политическом господстве буржуазии не что иное как диктатуру, которую определял как власть, не опирающуюся на какие-либо законы, не сдерживающую себя какими бы то ни было обязательствами. Соответственно этому и буржуазная демократия характеризовалась лишь как внешнее облачение, парадный фасад диктаторской власти. Так, в «Государстве и революции», произведении, которое Ленин объявил теоретическим анализом основных положений марксизма, утверждается: «в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства» [8, с. 90]. Не вдаваясь в детальный разбор этого и других сходных ошибочных высказываний (что уместно было бы в статье, специально посвященной отношению Ленина к демократии), позволю себе сделать совершенно однозначный вывод: ленинская трактовка сущности государственной власти, да и государства вообще, заведомо исключая допущение мирных социалистических преобразований, оборачивается ни чем иным, как заблуждением волонтаристско-идеалистического толка.

В пору первой русской революции Ленин писал: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой» [9]. К этому суждению он не раз возвращался и в последующие годы. Между тем, не требуется особой проницательности, чтобы уяснить несовместимость такого социологического обобщения с материалистическим пониманием истории, в своей приверженности которому вождь большевиков нисколько не сомневался.